

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛЬ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13, кв. 11.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Годовая цѣна—5 руб.

Статьи, присланныя безъ уваженія гонорара, считаются бесплатными. Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, неостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

ОТДѢЛЪ I.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Утвержденъ въ должности старосты Св.-Леонтьевской церкви — школы въ г. Сѣдлецѣ Начальникъ участка Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ Сергій *Неклюковъ*.

Умеръ 6 сентября на 50 году жизни Законоучитель Варшавской первой мужской гимназіи протоіерей Константинъ *Костылевъ*.

Отъ Министерства Финансовъ.

Министерство финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что

I. Высочайше утвержденнымъ, въ 25 день января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ определено: продлить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ 25 р., 10 р. и 5 р. достоинствъ образца 1887 года и 100 р. билетовъ (радужныхъ) образца 1866 года до 1 января 1902 г.

Посему означенные билеты до 31 декабря 1901 г. включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами.

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и сокращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1901 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 р.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлокоричневому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 р. билетъ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 р. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ только 1887 г.) посрединѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ посрединѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіе изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бил.—синею краскою

10 „ „ —красною „

25 „ „ —лиловою „

Сторублевый билетъ — радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ.

II. Нижеслѣдующіе 7 родовъ кредитныхъ билетовъ оставлены въ обращеніи безъ всякаго ограниченія.

500 руб. бил. Цвѣтъ зеленоватый. Годъ 1898. Портретъ Императора Петра Великаго.

100 руб. бил. Цвѣтъ песочный, правая четверть бѣлая. Годъ 1898. Портретъ Императрицы Екатерины II.

25 „ „ Цвѣтъ лиловый. Годъ 1892. Справа портретъ Императора Александра III, видимый на свѣтъ, Слева женская фигура (Россія) со щитомъ.

10 „ „ Цвѣтъ красный. Годъ 1894. Женская фигура (Россія) со щитомъ.

5 „ „ Цвѣтъ синій. Годъ 1895. Женская фигура (Россія) со щитомъ.

3 „ „ Цвѣтъ зеленый. Года разные. Двуглавый орелъ по срединѣ. Цифра 3 слѣва.

1 руб. бил. Цвѣтъ желтый. Года разные. Двугла-
вый орелъ по срединѣ. Цифра 1 слѣва.

Кромѣ того, въ текущемъ году будетъ выпущенъ
50-рублевый билетъ. Цвѣтъ синеватый. Годъ 1899.
Портретъ Императора Николая I.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хо-
зяйственное Управленіе, по распоряженію Синодаль-
наго Оберъ Прокурора, имѣетъ честь объявить по ду-
ховному вѣдомству, для зависящихъ распоряженій.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Царство Иисуса Христа надъ родомъ человѣческимъ, какъ доназательство божественности нашего Спасителя.

(Окончаніе) *)

Царство Иисуса Христа безсмертно по отношенію
къ времени и безковечно по отношенію къ простран-
ству. Любовь человѣка, уже сказали мы, ограни-
чивается семействомъ, незначительнымъ числомъ дру-
зей, а наиболѣе однимъ народомъ, племенемъ. Ии-
сусъ Христосъ царствуетъ болѣе, чѣмъ надъ 800 мил-
ліоновъ сердець посредствомъ любви такъ же, какъ и по-
средствомъ вѣры. Существуетъ ли въ мірѣ страна, въ
которой не было бы матери, учащей своихъ дѣтей съ
любовью произносить имя Иисуса,—въ которой не было
бы молодежи, ищущей въ любви Иисуса Христа опоры
для своей слабости и живительной силы для своего серд-
ца, въ которой не было бы старцевъ шепчущихъ надъ
своимъ гробомъ то имя, которое удрученія старости ра-
створяетъ лучемъ радости? Есть ли какой нибудь воз-
растъ или состояніе, которые могли бы уйти изъ подъ
того владычества, которое Иисусъ Христосъ распро-
стеръ надъ человѣческими сердцами? Когда бѣдный
рабочій падаетъ подъ бременемъ дня и жары, то при-
поминаетъ себѣ Св. Иосифа древодѣлателя, и это вос-
поминаніе, облегчая его труды, возвращаетъ радость
на его уста и ясность на его чело. Когда у богача
не достанетъ слезъ, дабы излить свое состраданіе надъ
своею несчастною братією, потому что въ своемъ
сердцѣ, изсушенномъ роскошью, не чувствуетъ уже
побужденія любить бѣдныхъ своихъ братьевъ, тогда
любовь Спасителя, не имѣвшаго на землѣ гдѣ главы
подклонить, размягчая его сердце, подаетъ ему святое
чувство состраданія и высокое чувство любви ближ-
няго. Когда сильный притѣсняетъ слабого, когда вла-
дыка забываетъ, что власть есть служеніе, а повинно-

веніе—честь, тогда припоминаетъ себѣ того царскаго
Сына, Который пришелъ не для того, чтобы Ему слу-
жили, но дабы Онъ самъ послужилъ другимъ;—и лю-
бовь Иисуса Христа, торжествуя надъ его твердымъ
сердцемъ, покажетъ ему его дѣтей и братьевъ тамъ,
гдѣ онъ видѣлъ только рабовъ и жертвы. Такъ лю-
бовь Иисуса Христа проникла всѣ возрасты жизни и
переплѣла всѣ состоянія человѣчества. Безмѣрная,
какъ вселенная, любовь эта составляетъ средство сое-
диненія сердець, составляетъ центръ, гдѣ всѣ могутъ
встрѣтиться. Въ ея сколько раздоровъ въ жизни че-
ловѣчества! Бросьте взглядъ вокругъ себя; вездѣ
раздѣляютъ насъ особые интересы, народность, испо-
вѣданіе вѣры, но того царства любви, о которомъ
здѣсь идетъ рѣчь, ничто не можетъ разрушить: ни ин-
тересъ, ни народность, ни различіе исповѣданій. Отдѣ-
леніе западной церкви отъ нашей восточной не препят-
ствовало миллионамъ сердець вручить самихъ себя,
другъ друга и весь животъ свой Христу Богу. Да,
нѣтъ сомнѣнія, многое отдѣляетъ насъ отъ тѣхъ, кото-
рыхъ мы называемъ нашею отдѣленною братією; были
люди, которые бросили горящую головню между хри-
стіанами, люди, которые были вооружены слѣпыми стра-
стями противъ церкви. Но, однако, есть что-то, что насъ
соединяетъ, сближаетъ, несмотря на расколы и ереси,
— это любовь Иисуса Христа. Такимъ образомъ, Ии-
сусъ Христосъ, дѣйствительно, возбудилъ въ мірѣ лю-
бовь безмѣрную въ отношеніи къ пространству такъ
же, какъ возбудилъ въ людяхъ любовь къ себѣ без-
смертную по отношенію ко времени.

Но для того, чтобы царствовать, какъ Богъ, надъ
душами, развѣ достаточно умѣть утвердить любовь
безмѣрную, никогда неуничтожающуюся? Нѣтъ, это-
го мало для полного господства надъ сердцами. Да-
бы духовное царство дѣйствительно было царствомъ
Божіимъ, нужно, чтобы любовь Иисуса Христа пусти-
ла свои корни въ самую глубину человѣческихъ сер-
децъ. Чтоже составляетъ мѣру глубины этой любви?
Очевидно слѣдствія ея: сила посвященія и величіе
жертвы. Теперь присмотримся къ тѣмъ жертвамъ,
какія Иисусъ Христосъ возбудилъ въ человѣческихъ
сердцахъ.

Слышите ли возгласъ любви, посвящающей Спа-
сителю всего себя безъ всякаго ограниченія: *вотъ, мы
оставили все, и послѣдовали за Тобою*¹⁾, оставили свое
имущество, семейство, отечество, отреклись отъ поче-
стей, богатствъ и роскоши, сдѣлались посмѣшищемъ лю-
дей, отрѣбимъ міра ради любви къ Тебѣ. Сколько людей
со временъ апостоловъ произнесли въ душѣ подобный
возгласъ! Ради любви къ Иисусу Христу апостолы пе-
реходили страны, перенося труды, препобѣждая опас-
ности, презирая преслѣдованія и смерть. Ради любви
къ Иисусу Христу великіе сдѣлались малыми, бога-

*) См. № 37

1) Матѣ. 19, и 27.

тые—убогими, господа—слугами. Ради любви къ Иисусу Христу мудрецы сошли со своихъ каедръ для проповѣди невѣдущимъ, цари оставили свои престолы для того, чтобы поклониться убогимъ, царскія дочери сбросили съ себя роскошныя убранства для того, чтобы удобнѣе было прислуживать больнымъ. Вотъ что производить изъ вѣка въ вѣкъ любовь Иисуса Христа!

А въ недавнее время, напр., въ 70-хъ годахъ, что побуждало нашихъ друзей, братьевъ, соотечественниковъ и соотечественницъ вырваться изъ сбѣгій родныхъ, друзей, и изъ отечества идти за берега Дуная, гдѣ лилась кровь за свободу славянъ? — Это любовь къ Иисусу Христу! Что побуждаетъ вашихъ сестеръ и матерей идти къ ложу больныхъ, дабы перевязать имъ раны и облегчить имъ страданія? Также любовь къ Иисусу Христу.

Могъ ли бы человекъ, человекъ простой, который за 18-ть вѣковъ до нашего времени жилъ въ какомъ то углу земли, человекъ для насъ посторонній, который не былъ намъ отцемъ, ни братомъ,—могъ ли бы этотъ человекъ, ничего болѣе, какъ только человекъ, возбудить въ васъ и во мнѣ, въ нашихъ братьяхъ и сестрахъ, въ царяхъ и народахъ такую любовь къ себѣ? Но здѣсь мы сказали только первое слово этой любви. Отъ одра больныхъ, отъ хижины миссіонеровъ, отъ мѣста смерти апостоловъ пойдѣмъ въ ту пустыню, гдѣ заживо погребали себя для мира ради любви къ Иисусу Христу богатыри покаянія. Павелъ! Антоній! Кто побудилъ васъ идти въ пустыню? Кто васъ повелъ въ тѣ мѣста, гдѣ не ступала человѣческая нога? Кто населилъ негостепримную Фивандскую пустыню тѣми святыми воинами, которые проводили свою жизнь въ борьбѣ съ своими страстями, воюя съ своимъ тѣломъ? Что сообщило вамъ столько героизма? Для чего со стороны вашей столько посвященія себя, столько жертвы! Понятно, вы возлюбили Иисуса Христа со всею горячностью своего сердца! Когда мы размышляемъ о христіанахъ первыхъ вѣковъ, о тѣхъ миллионахъ мучениковъ, которые ради Иисуса Христа отдали свою кровь, которые посвятили свою жизнь Его любви, которые исповѣдали Его имя среди мученій подъ мечемъ и среди пламени на кострахъ, когда слышали возгласы группъ дѣвъ, юношей и старцевъ, возгласы, произносимые въ виду смерти съ Св. Игнатіемъ Богоносцемъ: „я шпеничное зерно Христово, долженъ быть измолотъ зубами дикихъ звѣрей, дабы содѣлаться чистымъ хлѣбомъ, Его достойнымъ“, когда и въ настоящее время слышимъ подобный же возгласъ, раздающійся во многихъ мѣстахъ и при разныхъ обстоятельствахъ, то спрашиваемъ себя, возможно ли для простого человека такъ привязать къ себѣ все человѣчество, такъ овладѣть имъ посредствомъ любви безмѣрной, всемогущей, безсмертной? И понятны теперь слова знаменитаго изгнанника острова Св. Елены, который, испытавши на самомъ себѣ, какъ не многимъ удается списать любовь къ себѣ даже самую ограни-

ченную, проникая своимъ взглядомъ горячую любовь человѣчества къ Иисусу Христу, произнесъ слѣдующее гениальное изреченіе: „теперь я знаю людей. Иисусъ Христосъ болѣе, нежели человекъ“.

Такъ Господи Спасителю! Тебѣ принадлежитъ и вѣра и любовь наша. Если есть люди, осмѣливающіеся сомнѣваться или отвергать Твое Божество, прости имъ Господи; они не знаютъ, что творять; они соблазняются тѣмъ, чего не знаютъ. Голосъ ихъ дрожащій и бесплодный исчезнетъ въ единогласной вѣрѣ человечества. Уста наши съ дѣтства прежде всего научались произносить Твое имя и съ того времени мы возносимъ къ Тебѣ голосъ, надежды или жалобы среди разныхъ превратностей жизни. Когда мы падаемъ подъ бременемъ заблужденій, взоръ нашъ, устремленный къ Твоему Кресту, приноситъ и вливаетъ надежду въ нашу душу. Когда міръ насъ оставляетъ и люди удаляются отъ насъ, Ты, остаешься для насъ опорой и утѣшеніемъ! А когда, наконецъ, въ послѣднюю годину нашу ослабѣвшія наши руки не въ силахъ будутъ подняты къ Тебѣ, тогда Твоя святая икона будетъ приложена къ нашимъ устами, и послѣдній нашъ вздохъ будетъ поклоненіемъ, воздаваемымъ Твоему божеству. Сподоби же насъ, Господи, быть достойными Тебя, достойными любить Тебя, служить Тебѣ и имѣть Тебя навсегда: во времени и въ вѣчности!

III.

Иисусъ Христосъ воцарился надъ умами человечества посредствомъ вѣры и покорилъ Себѣ сердца посредствомъ любви. Эта двоякая побѣда свидѣтельствуешь о Его божественности, такъ какъ не мнѣе трудно кого нибудь заставить любить себя, какъ трудно возбудить вѣру къ себѣ между людьми. Говоримъ, что и этого достаточно для доказательства Его божественности. Однако, если Иисусъ Христосъ Богъ, то Ему со стороны людей должно быть воздаваемо что то большее, нежели вѣра и любовь. И дѣйствительно, эта вѣра и любовь уже доказываютъ Его божество, потому что съ одной стороны Иисусъ Христосъ управляетъ умами посредствомъ непостижимыхъ тайнъ, съ другой—владѣетъ человѣческими сердцами посредствомъ любви, безмѣрной по пространству и по продолжительности. Но ни вѣра, ни любовь не составляютъ сами по себѣ качества, принадлежащаго исключительно одному Богу, потому что каждый человекъ можетъ приобрѣсти себѣ извѣстную вѣру и заслужить себѣ большую или меньшую любовь. Если такимъ образомъ Богъ можетъ нѣсколько раздѣлять съ нами величіе разума и сердца, то неужели уже нѣтъ другого величія, которое Богъ предоставилъ исключительно Самому Себѣ?

Когда я съ челою, погруженнымъ въ земной прахъ, возношу свою душу къ Богу, воздавая поклоненіе Его всемогущей благодати, неужели я подоб-

нымъ же образомъ могу и къ человѣку возносить такой же порывъ моей души, которая сознаетъ свое ничтожество предъ Творцемъ? Нѣтъ; здравый разумъ меня научаетъ, что хотя люди могутъ имѣть извѣстное право на мою къ нимъ вѣру и на чувства моего къ нимъ сердца, но поклоненіе моей души, словесіе моей души принадлежитъ одному только Богу. Владѣть вѣрою когонибудь—это уже много; пользоваться любовью—это еще болѣе, но принимать поклоненіе—это полнота силы высочайшей, это честь, принадлежащая одному только Богу. Человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ не можетъ домогаться для себя этой чести и Богъ не можетъ дѣлиться ею ни съ какимъ другимъ существомъ. Далѣе, если Иисусъ Христосъ установилъ въ мірѣ царство Божіе, то Онъ въ немъ долженъ царствовать, какъ надъ умами посредствомъ вѣры, сердцами посредствомъ любви, такъ надъ душами посредствомъ поклоненія, почтенія, которое принадлежитъ Ему, какъ Богу.

Теперь посмотримъ, Иисусъ Христосъ отъ людей принималъ ли божественное поклоненіе и доказываетъ ли это поклоненіе Его Божество?

Исторія міра отмѣчаетъ замѣчательное событіе. Въ мало извѣстномъ уголкѣ земли въ извѣстное время рождается человѣкъ; мѣстомъ его рожденія служитъ сарай, колыбелью—ясли, матерью—бѣдная женщина, Его племя іудейское, изъ котораго Онъ происходилъ, составляло предметъ презрѣнія и ненависти современниковъ.

Къ этой униженности Своего происхожденія Онъ присоединяетъ еще прохождение въ неизвѣстности большей части Своей жизни. Проводитъ продолжительное время самую обыкновенную жизнь ремесленника и оканчиваетъ ее смертію самою позорною, какая только можетъ быть. Вотъ первая часть загадки во всей ея простотѣ. Теперь послѣдуемъ далѣе. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, потомъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, этотъ человѣкъ, этотъ Виолемскій младенецъ, этотъ іудейскій ремесленникъ, этотъ распятый на Голгофѣ принимаетъ поклоненіе Себѣ отъ всего цивилизованнаго міра, какъ Богъ всемогущій, безконечный. Нельзя думать, чтобы язычество благопріятствовало этому поклоненію, такъ какъ вездѣ, гдѣ совершалось поклоненіе Иисусу Христу, какъ Богу, язычество теряло силу, языческіе храмы падали, ложные боги уничтожались. Вслѣдствіе этого то поклоненіе Иисусу Христу стало уничтожать поклоненіе идоламъ, и эпоха поклоненія Иисусу Христу составляетъ эпоху упадка язычества. Чѣмъ болѣе понятіе объ истинномъ Богѣ очищается и раскрывается въ человѣческой совѣсти, тѣмъ болѣе поклоненіе Иисусу Христу возрастаетъ, расширяется, распространяется. Съ того времени слава Иисуса Христа обнимаетъ собою всѣ времена и мѣста и въ настоящее время, когда прошло безъ ослабленія и уменьшенія этого

поклоненія Иисусу Христу вотъ уже 19 вѣковъ, падаютъ предъ І. Христомъ отъ одного полюса къ другому цари и народы, великіе и малые, богатые и бѣдные, ученые и простые, всѣ падаютъ на свои лица предъ Нимъ, воздавая поклоненіе Его силѣ, моля Его о просвѣщеніи и повергая Ему свою надежду на Его милосердіе. Предъ именемъ Иисуса Христа всякое колѣно преклоняется, на имя Иисуса Христа тронъ опирается, меч опускается и всякая душа сосредоточивается въ себѣ въ молчаніи, имѣя предъ собою это имя. А изъ всѣхъ душъ смиренныхъ и вознесенныхъ какъ изъ души дитяти такъ и возрастнаго человѣка, изъ души младенца и старца, изъ души праведника и изъ души грѣшнаго вырывается къ Иисусу Христу такой голосъ чести и поклоненія: *Господь мой и Богъ мой.*—Вотъ вторая часть загадки: Иисусъ Христосъ распятый—Иисусъ Христосъ—Богъ покланяемый! Развѣ противъ этого найдется ктонибудь возражать? Неужели ктонибудь будетъ опровергать фактъ, что Иисусъ Христосъ родился, жилъ и умеръ, какъ Богочеловѣкъ? Но Его рожденіе, жизнь и смерть подтверждаются рядомъ свидѣтельствъ неопровержимыхъ; событія эти подтверждаются рядомъ изслѣдованій и преданій 19 вѣковъ, а главное — фактъ, что Иисусъ Христосъ родился въ мірѣ и страдалъ, составляетъ теперь сущность исторіи и слился съ нимъ такъ далеко, что, желая его обойти, нужно бы опровергнуть всѣ историческіе факты. Можетъ быть скажете, что Иисусу Христу цивилизованный міръ не воздастъ божескаго поклоненія? Но факты въ опроверженіе васъ предъ вашими глазами; вы ихъ видите, слышите и касаетесь руками. Во время крестнаго хода, когда сдѣлается замѣтнымъ священнослужитель съ крестомъ, когда бывають замѣтны церковныя хоругви, головы обнажаются, чела наклоняются, войска стоятъ въ благоговѣніи, голосъ полководца умалкиваетъ, колокола оглашаютъ воздухъ — и вслѣдствіе этого благоговѣнія, почтенія, поклоненія Спасителю душа возносится высоко въ небу. Будете ли возражать противъ этого? Не ясно ли, что люди воздаютъ славу Иисусу Христу не только такому, какимъ видимъ Его 19 вѣковъ предъ этимъ, но еще такому, какимъ видятъ Его теперь вѣрою въ каждую минуту на каждомъ мѣстѣ? Не воздается ли Ему одинаковая слава на берегахъ Ганга, въ Москвѣ, въ Парижѣ, подъ небомъ Америки на Австралійскихъ островахъ. Скорѣе можно отвергнуть существованіе солнца, отвергнуть очевидность, существованіе самого себя, нежели подвергнуть сомнѣнію повсемѣстное и безпрестанное поклоненіе Иисусу Христу. Если есть на свѣтѣ фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію, фактъ очевидный, неопровержимый, такъ это то, что нашъ образованный міръ находится у ногъ человѣка, который родился въ вертепѣ, жилъ въ убогой хижинѣ, умеръ на крестѣ, фактъ, что человѣчество поклоняется Иисусу Христу, какъ Богу.

Что же это доказываетъ? Доказываетъ, что Иисусъ Христосъ—Богъ. Если бы Иисусъ Христосъ не былъ Богомъ, это всемірное и непрестанное Ему поклоненіе было бы необъяснимо, было бы явленіемъ безъ причины, или также чудомъ страннымъ, тайною лжи, укоромъ промыслу Божію. Желаете ли уяснить это человѣческимъ способомъ? Но какой человѣческой разумъ склонился бы къ отданію такой чести. Развѣ трудно понять, что воздавать божескую честь распятому не разсудительно и не достойно человѣка? Притомъ, развѣ поклоненіе Иисусу Христу не встрѣчало препятствій, какія только можно вообразить? А прежде всего, что могло болѣе противиться чувствамъ? Вотъ стоишь предъ человѣкомъ, рожденнымъ отъ дѣвы и говоришь: это *Сынъ Божій*, а не говоришь съ іудеями: „не плотниковъ ли онъ сынъ“¹⁾. Вотъ стоишь предъ человѣкомъ, имѣющимъ тридцать лѣтъ отъ роду и говоришь: это вѣчный, а не говоришь съ іудеями: *Тебѣ нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ, и Ты видѣлъ Авраама?* 2)⁴. Вотъ стоишь предъ человѣкомъ, который занимаетъ едва нѣсколько вершковъ пространства и говоришь: это Безконечный?... Если бы здѣсь было чтонибудь такое, что могло бы обмануть чувства или ослѣпить взоръ, можно было бы понять этотъ переходящій обманъ, это минутное очарованіе. Но вмѣсто побѣдителя, сіяющаго славою, вмѣсто монарха, облеченнаго величіемъ, могущимъ заслонить его человѣческое происхожденіе, мы видимъ предъ собою лицо самое смиренное, самое бѣдное безъ славы и мірскаго блеска, мнимаго сына плотника. Боже Великій! что можетъ быть болѣе поразительнаго для чувства человѣка? Если какойнибудь таинственный человѣкъ сподобился поклоненія отъ человечества, происходя изъ рода могущественнаго и знаменитаго, то вліяніе имени, значеніе славы, величіе власти уясняли бы хотя отчасти этотъ переходящій обманъ, это минутное очарованіе. Но въ исторіи Иисуса Христа не то: Онъ—Іудей. А Тацитъ, Ювеналій, Светоній и Плиній говорятъ намъ, что іудейскій народъ составлялъ предметъ всеобщихъ насмѣшекъ, позора, презрѣнія. Мало сказать: Иисусъ Христосъ—іудей; Онъ іудей распятый, посмѣшище толпы, презрѣніе народа, осужденный на смерть и смертію наказанный. О, Господи Иисусе Христе! Прости намъ, что мы перечисляемъ Твои униженія, посрамленія; — это триумфъ Твоего божества! Такъ, весь міръ у ногъ человѣка, плотника, іудея, іудея распятаго! О, какъ это смѣряетъ мысли наши! Если Иисусъ Христосъ не Богъ, то безуміе всего человечества насъ пристыжаетъ и уничтожаетъ въ моихъ мысляхъ. Напротивъ, если Иисусъ Христосъ Богъ, тогда понятно, почему образованный міръ считаетъ Его за Бога, что Его боже-

ство побѣдило противленіе чувствъ, и что, овладѣвши ими и поражая ихъ, поклоненіе Иисусу Христу овладѣло и разумомъ, такъ какъ со стороны разума должны были явиться новыя препятствія, которыя могла побѣдить одна только правда.

Какія же это препятствія? Безконечный лично соединенъ съ существомъ конечнымъ, существо несотворенное—съ твореніемъ, божественная природа съ человѣческой! Богъ и человѣкъ въ одной и той же личности. Божество, открывшееся посредствомъ человечества, также какъ душа открывается посредствомъ тѣла, человечество соединено съ Божествомъ и то самымъ тѣснымъ и самымъ сильнымъ образомъ, какъ можно только себя вообразить! Какая неизслѣдимая глубина для человѣческаго разума! Можете понять, какой убѣдительности требовалъ человѣческой разумъ, дабы принять тайну, которая возбуждала въ немъ отвращеніе и представлялась противорѣчающею его началамъ! Понятіе о Богѣ, понятіе о Безконечномъ такое, какое доступно для разума человѣческаго, должно было непремѣнно принудить людей къ отрицанію этого догмата, а слѣдовательно къ отказу Иисусу Христу въ божескомъ почтеніи. Если Иисусъ Христосъ не Богъ, чѣмъ руководствовался родъ человѣческой, воздавая Ему высочайшую честь, принадлежащую одному только Богу! Не говорите, что люди въ теченіе многихъ вѣковъ воздавали такую же высочайшую честь предметамъ сотвореннымъ и что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что могли поклоняться въ Иисусѣ Христѣ творенію вмѣсто Творца, такъ какъ это собственно и доказываетъ неопровержимымъ образомъ божество Иисуса Христа. Что люди поклонялись идоламъ въ то время, когда не имѣли истиннаго понятія о Богѣ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что люди поклоняются Иисусу Христу съ того времени, какъ имѣютъ истинное понятіе о Богѣ, то явленіе это будетъ необъяснимо, если Иисусъ Христосъ не Богъ. Легко можно понять также и то, что народъ, который о божествѣ имѣетъ только темное и ложное понятіе, можетъ воздавать божественное поклоненіе творенію, но никогда не было бы объяснимо, если бы Иисусъ Христосъ не былъ Богомъ, то, что въ теченіе 19 вѣковъ человѣческой разумъ при ясномъ и опредѣленномъ понятіи о божествѣ можетъ вопреки этому понятію поклоняться, какъ Богу, человѣку, который не есть Богъ.

Было бы трудно, даже невозможно, понять, если бы Иисусъ Христосъ не былъ Богомъ, что такое поклоненіе могло имѣть силу и достоинство для распространенія преимущественно между людьми, имѣющими о Богѣ правильное понятіе. Въ такомъ видѣ этотъ вопросъ представляется каждому, кто на немъ остановитъ свое вниманіе. Предъ явленіемъ Иисуса Христа на землю языческой міръ почиталъ идоловъ и не зналъ истиннаго Бога; со времени Иисуса Христа ци-

¹⁾ Матѣ. XIII. 55.

²⁾ Іоан. VIII. 57.

визированный міръ знает истиннаго Бога и почитаетъ Иисуса Христа. Слѣдовательно, Иисусъ Христосъ есть Богъ, или изъ всего этого надо вывести заключение, что познание истиннаго Бога породило идолопоклонство бѣльшее, чѣмъ рождало незнаніе истиннаго Бога.

Что вы думаете объ этомъ послѣднемъ выводѣ? Можно ли его допустить? Неужели истина сопровождается послѣдствіями худшими, чѣмъ заблужденіе?— Но тогда, повторимъ вопросъ, что такое правда и истина? Что слѣдствуетъ съ самымъ божествомъ? На основаніи этого когда, не смотря на несогласіе разума и противленіе вѣшнихъ чувствъ, человѣчество, владея истиннымъ понятіемъ о Богѣ, воздастъ Иисусу Христу честь божескую, всемірную и непрестанную, выходятъ, что Иисусъ Христосъ былъ человѣкомъ—Богомъ.

Но, слѣдуя обыкновенному человѣческому разсудку—если поклоненіе, воздаваемое Иисусу Христу, должно было подвергнуться противленію чувствъ, противодѣйствію разума, не менѣе встрѣтилось бы препятствій и со стороны сердца; не говоримъ здѣсь уже о самыхъ преступныхъ страстяхъ, которыя волнуютъ человѣческую душу. Нѣтъ сомнѣнія, много стоило для человѣческой гордости унизиться до поклоненія Распятому. О! сколько стоитъ этой гордости унизиться предъ понятіемъ о Богѣ безконечномъ, вѣчномъ, пасть ницъ предъ Его всемогуществомъ, которое словомъ созидаетъ существа; предъ этою высочайшею мудростію, которая открывается въ управленіи міромъ, предъ этою неисчерпаемою благодію, которая изливается на всѣ творенія. — Такъ трудно для человѣка признать какое бы то ни было величіе надъ собою, воздать поклоненіе Богу, даже тогда, когда Богъ открывается ему въ безмѣрности своихъ дѣлъ проявленіемъ своей силы и свѣтомъ своей славы! Сколько же нужно отъ человѣка, отъ его гордости, когда требуется признавать Бога, содѣлавшагося человѣкомъ, Бога смиришагося, Бога распятаго? И, однако, человѣческая гордость пала на оба колѣна предъ Распятымъ. Если Иисусъ Христосъ не — Богъ, можно ли объяснить это явленіе? Да и что говорить? Собственно—то у ногъ Распятаго униженный человѣкъ и возвысился благородною гордостію. Со времени этого глубокаго своего смиренія предъ Распятымъ, съ этой именно минуты человѣкъ и пришелъ къ сознанию собственнаго своего достоинства. Еще разъ скажемъ, если Иисусъ Христосъ не Богъ, объяснить этого не возможно. Скажете: человѣческая гордость могла преклониться предъ идолами, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что человѣчество, повергаясь къ ногамъ Иисуса Христа, преклонило свои колѣна предъ твореніемъ. Однако, слова достаточно для опроверженія этого возраженія. Человѣкъ, поклоняясь идоламъ, владея самому себѣ, падалъ на лицо предъ дѣлами своихъ рукъ. Идолопоклонство особенно усыпляло гор-

дость человѣка. Иисусъ Христосъ, напротивъ, требуетъ отъ человѣчества поклоненія Себѣ, несмотря на человѣческую гордость и вопреки ея проявленіямъ. Нужно, дабы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца ¹⁾. Если же человѣческая гордость пала къ ногамъ Распятаго, то этотъ Распятый — Богъ, или же, наоборотъ, такое поклоненіе представляетъ собою ничѣмъ необъяснимое чудо и непонятное безуміе. Но если гордость поднялась противъ поклоненія Иисусу Христу, то что сказать о любостыжаніи, роскоши и другихъ человѣческихъ похотяхъ? Всѣ эти страсти имѣли свой особый интересъ соединиться вмѣстѣ и нападать на божество Иисуса Христа. Корыстолюбіе возставало противъ Иисуса Христа, дабы освободиться отъ отреченія ради Иисуса Христа, отъ любви къ золоту, которая имъ овладѣла. Самолюбіе противилось Христу, чтобы быть свободнымъ отъ отреченія того ненасытимаго желанія почестей, которыя Его сѣждаютъ. Наконецъ, роскошь противилась Христу, дабы избѣжать отреченія ради Распятаго чувственныхъ пожеланій, которыя ей льстятъ. Что вы думаете объ этой борьбѣ людскихъ страстей противъ поклоненія Иисусу Христу? Достаточно ли будетъ явиться предъ ними повѣшенными на крестѣ, дабы утишить ихъ непріязненный крикъ? Какъ: — въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ, гордость, корыстолюбіе и роскошь не хотѣли кланяться даже истинному Богу, желая уйти изъ подъ его закона, а теперь эта же гордость, это корыстолюбіе, эта же роскошь падаютъ у ногъ Распятаго, дабы воздать Ему честь, Ему себя пожертвовать, признать надъ собою Его владычество и исполнять Его заповѣди?

Если Иисусъ Христосъ не Богъ, можно ли это объяснить? Легко можно понять, что людскія страсти безъ сопротивленія поддались почитанію идоловъ, потому что поклоненіе идоламъ льстило страстямъ, освящало страсти и обожествляло ихъ; но поклоненіе Иисусу Христу карало страсти и карало безпрестанно, не давая имъ покоя. Если же Иисусъ Христосъ не смотря на страсти, которыя имѣли свой собственный интересъ въ отверженіи Его божества, привелъ къ поклоненію Себѣ весь образованный міръ, то отсюда ясно вытекаетъ, что Иисусъ Христосъ есть Богъ; или наоборотъ, это всемірное и непрестанное поклоненіе представляетъ собою явленіе необъяснимое слѣдствіе безъ причины, въ такомъ случаѣ падаетъ вся логика, здравый разсудокъ становится глупостію и человѣчество остается добычею пагубныхъ привидѣній и очарованій безъ всякаго выхода.

Этого мало. Еслибы Иисусъ Христосъ не былъ Богомъ, даже язычество было бы менѣе безбожно, чѣмъ христіанская религія, потому что язычники, по край-

¹⁾ Іоаннъ. V. 23.

ней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, ставили въ своемъ умѣ надъ своими идолами высшее божество, которое управляетъ міромъ при помощи подчиненныхъ ему божествъ, тогда какъ напротивъ, въ теченіе 19 вѣковъ христіанства 800 милліоновъ людей не перестаютъ почитать Иисуса Христа, какъ Бога всемогущаго и безконечнаго. Еслибы, такимъ образомъ, Иисусъ Христосъ не былъ Богомъ, христіанство было бы величайшимъ безбожіемъ, изъ котораго произошло величайшее богопочтеніе. Изъ этого то, допускаемаго въ настоящую минуту нами безбожія, величайшаго, какъ только можно себѣ представить, выросли: высокая вѣра, чистѣйшая нравственность, сладчайшая надежда и святая любовь. Это-то величайшее язычество образовало 19 вѣковъ вѣры, посвященія, самоотверженія, почительности, науки, просвѣщенія, прогресса и нравственнаго совершенства. Развѣ это не было бы униженіемъ для Провидѣнія? А еслибы Богъ могъ допустить, чтобы изъ этой бездны зла выросъ міръ добродѣтелей, развѣ тогда была бы возможна рѣчь о добрѣ, истинѣ, имени Самого Бога? Нѣтъ и нѣтъ.... Существуетъ истина, существуетъ добродѣтель, существуетъ Богъ..., а потому Иисусъ Христосъ есть Богъ.

Родившись, какъ Богочеловѣкъ, проповѣдуя и живя, какъ Богочеловѣкъ, умерши и воскресши, какъ Богочеловѣкъ, Иисусъ Христосъ теперь царствуетъ надъ родомъ человѣческимъ, какъ Богъ.

Царствуетъ, какъ Богъ, надъ умами посредствомъ вѣры непоколебимой и полной тайны.

Царствуетъ, какъ Богъ, надъ сердцами посредствомъ любви, глубина которой равняется безконечности.

Царствуетъ, какъ Богъ, надъ душами посредствомъ божественнаго поклоненія, воздаемаго Ему повсемѣстно и непрестанно.

Намъ остается выбирать одно изъ двухъ: или во всемъ сомнѣваться, во всемъ отчаяваться, все отвергать, или признать, что если существуетъ подъ небомъ истина несомнѣнная, ясная, неопровержимая, то это истина: *Иисусъ Христосъ—Богъ*. Ему отъ насъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Прот. А. Ковальницкій.

Западный Бугъ какъ восточная граница нынѣшней Холмской Руси.

Ни этнографической, ни вѣроисповѣдной, ни политической *границей* Западный Бугъ не былъ отъ начала исторической жизни здѣсь и до конца существованія Польши, какъ особаго государства. Лѣтописная этнографическая граница пересѣкала рѣку Бугъ въ нижнемъ теченія, возлѣ города Нура, оставляя все среднее и верхнее теченіе за Русью, во владѣніи Бужанъ

или Воляннѣ (Дулѣбовъ)¹⁾. Западная граница разселенія русскихъ племенъ достигала р. Вислы, но въ XI и XII вѣкахъ русское населеніе между Быстрицей и Вислой подверглось сильной р.-католической пропагандѣ и ляхскимъ вліяніямъ вслѣдствіе политическаго отпаденія отъ Руси и наплыва польскихъ колонистовъ²⁾. Въ половинѣ XIII вѣка западная граница „Берестейской земли“, граничившей на югѣ съ „Холмской землей“, начиналась при впаденіи р. Пивонія въ р. Тысменицу и направлялась оттуда на сѣверо-западъ, западнѣ Радина и Лукова, до истока р. Збучинки, затѣмъ шла по рѣкамъ Збучинкѣ и Ливцу (отъ устья Збучинки до г. Венгрова³⁾). Это была тогда же восточная граница Мазовіи. Южнымъ продолженіемъ этнографической границы между населеніемъ русскимъ и ляхскимъ въ XIII вѣкѣ были р. Вепрь въ нижнемъ теченіи и р. Быстрица, начиная отъ своего устья: еще въ 1287 году на востокъ отъ нихъ „не было примѣси польскаго населенія“⁴⁾.

Первые Владиміро-Волянскіе православные епископы имѣли въ своемъ епархіальномъ управленіи всю страну „градовъ Червинскихъ“ на западъ отъ р. Буга и болѣе двухъ вѣковъ правили ею „во исполненіе благочестія“. Съ учрежденіемъ въ XIII вѣкѣ Холмской православной епархіи Подляшье осталось въ Волянскій епархіи и окончательно отошло къ Холмской только съ образованіемъ Варшавскаго герцогства. Съ другой стороны отторженіе въ XV вѣкѣ отъ Волини къ Польшѣ „Ратна и Любомля съ округами“ сопровождалось присоединеніемъ къ Холмской епархіи нѣсколькихъ десятковъ волянскихъ православныхъ приходовъ (въ нынѣшнихъ уѣздахъ Владиміро-Волинскомъ и Ковельскомъ), и всѣ они принадлежали къ ней, до третьяго раздѣла Польши. Въ письмѣ къ папѣ 19 іюня 1796 года Холмскій епископъ Порфирій Вазжинскій такъ оплакивалъ возвращеніе ихъ къ Волянскій епархіи: „Когда въ прошломъ году послѣднимъ раздѣломъ владѣній Рѣчинопольской, Россійской имперіи захватила (регътахегіт) весьма обширную часть ея, тогда оторваны были отъ моей епархіи девятносто приходскихъ церквей, сверхъ одного базилианскаго монастыря (Жидичинскаго), и всѣмъ имъ строжайше воспрещено всякое общеніе со мною, пастыремъ ихъ“⁵⁾.

Когда въ XIV вѣкѣ Литовско-Польское государство было раздѣлено на „воеводства“, бассейны сред-

¹⁾ Забужская Русь Е. Крыжановскаго; Атласъ по рус. исторіи Е. Замысловскаго.

²⁾ Червенскіе города Лонгинова стр. 69—72, 76, 80, 92, 122—124, 142; Холмская епархія Петрушевича стр. 1—17; Памятники рус. стар. въ запад. губерніяхъ, VIII, стр. 231 и 237.

³⁾ См. карту въ Пам. рус. ст. въ зап. губ. VIII.

⁴⁾ См. примѣчаніе 2-ое.

⁵⁾ Холмская епархія Петрушевича стр. 166.

няго и нижняго теченія р. Красны¹⁾ причисленъ былъ не къ Подляшскому воеводству, а къ Брестскому: такъ велико было историческое, вѣками установившееся тяготѣніе его къ Литвѣ. Брестское воеводство, по актамъ Люблинской уніи 1569 года, осталось за Великимъ княжествомъ Литовскимъ *все*, включая часть Подляшья по р. Краснѣ. Западная граница этой части пересѣкала Бугъ нѣсколько выше г. Мельника (у Немирова), отсюда направлялась на юго-западъ къ Лацу и Поличамъ, затѣмъ поворачивала на юго-востокъ, на Городище, и вторично пересѣкала Бугъ близъ Кодня (въ 10 верстахъ выше его)²⁾. Въ тѣ давнія времена—до и послѣ Люблинской уніи—Литва дорожила каждой пядью Подляшья и Холмщины. Въ 1446 году король Казимиръ IV долженъ былъ отдѣлить Подубицы и Ломазы отъ Парчевской экономіи и присоединилъ ихъ къ Берестейской землѣ, такъ какъ „жалобы литовцевъ на неправильный захватъ этихъ городовъ поляками оказались справедливы“. На Люблинскомъ сеймѣ 1448 года „литовцы представили убѣдительныя доказательства *своихъ правъ* на весь Городельскій округъ, какъ на часть Литовской Волины со временъ князей Витовта и Любарта”³⁾. Установленіе границы между воеводствами Подляшскимъ и Берестейскимъ потребовало установленія особой „разграничительной комиссіи“. Назначенная сеймомъ въ 1589 году въ числѣ четырехъ комиссаровъ со стороны Польши и столькихъ же комиссаровъ со стороны Литвы, она возобновлялась въ 1591, 1598, 1601, 1611, 1616, 1620, 1623, 1649 и 1661 годахъ. Въ сеймовомъ постановленіи 1661 года объ успѣхахъ прежнихъ девяти комиссій сдѣланъ такой отзывъ: „Многочисленныя сеймовыя постановленія настоятельно требуютъ отъ насъ окончательнаго разграниченія Брестскаго воеводства отъ Подляшья, которое до сихъ поръ еще не приведено къ концу, къ явной обидѣ пограничныхъ жителей и даже къ ущербу государственныхъ податей“⁴⁾. Комиссары „коронныя” всѣми мѣрами, даже съ крайнею неразборчивостью въ средствахъ, старались о томъ, какъ бы побольше оторвать отъ Литвы изъ того малаго, что оставлено за великимъ княжествомъ по Люблинской уніи. Въ 1616 году, напримѣръ, они—всѣ четверо—сѣхались въ Мельникѣ и тайкомъ отъ комиссаровъ литовскихъ, безъ всякаго оповѣщенія ихъ, съ „пограничными коронными документами“ въ рукахъ отчи-

слили къ Подляшскому воеводству „много тысячъ уловокъ собственности Литовскаго княжества, въ томъ числѣ имѣнія Россось, Козирады и Межирѣчье, которыя „отъ вѣковъ (z wieków) княжеству Литовскому принадлежали“. Извѣстіе о такомъ разграниченіи произвело бурю негодованія 2 февраля 1617 года на сеймикѣ „сенаторовъ, чиновъ земскихъ и городскихъ, шляхты и обывателей Брестскаго воеводства“, собравшихся въ Брестѣ для выбора депутатовъ на сеймъ, и они составили „формальный протестъ“¹⁾...

То, что въ 1617 году и въ длинномъ ряду послѣдующихъ лѣтъ опротестовывалось *русскими* „земьями” по ту сторону Буга и вызывало у нихъ дружный отпоръ „коронныхъ” посягательствъ на территориальныя владѣнія Литовскаго княжества „отъ вѣковъ“, т. е. на *вѣковичныя русскія земли*,—то и *больше того* благодушно и добровольно отдано было полякамъ, когда 15 (27) ноября 1815 года императоръ Александръ I подписалъ конституціонную хартію вновь созданнаго польскаго королевства. „Организація, существовавшая въ вашемъ краѣ“, говорилъ императоръ Александру полякамъ въ Варшавѣ при открытіи перваго конституціоннаго сейма (15 марта 1818 года), „дозволила мнѣ ввести немедленно ту, которую я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законносвободныхъ учреждений, бывшихъ постоянно предметомъ моихъ помышлений. Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи (продолжалъ императоръ) покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему“... Съ этого времени (минувъ кратковременное послѣ раздѣловъ Польши прусско-австрійское владычество) Западный Бугъ сталъ политической границей, отдѣлившей *русскихъ* (забужанъ) отъ *русскихъ* (предбужанъ). „Послѣдствія трудовъ“ тѣхъ въ Русскомъ Забужьи у насъ на лицо: *не малая* въ ущербъ русскому имени и языку въ Холмщинѣ и ужасныя для нихъ же на Подляшья. Отъ четырехсотъ съ лишкомъ тысячъ греко-уніатовъ 1815 года уцѣлѣло къ 1875 году еле 250000 и въ числѣ ихъ 30% совершенно ополяченныхъ и окатоличенныхъ (нынѣшніе „упорствующіе). Русско-польская этнографическая граница отгѣснена значительно на востокъ: *вверхъ* по Бугу отъ Бреста она прижата почти къ самому Бугу, за исключеніемъ средняго и нижняго теченія р. Красны (до Горбова и Воскреницы), и *внизъ* по Бугу только отъ Яблочна замѣтно удаляется отъ завѣтной старо-русской рѣки на западъ, но не дальше Вишницъ и Городища, Ополья и Угнива, Сосновицъ и Устимова въ южномъ Подляшья. На западъ отсюда нынѣ почти сплошная польская рѣчь по селамъ и деревнямъ и православныя приходы въ значительной степени „упорствующіе“. Епископъ Важинскій на изнанку, слишкомъ „по-уніатски“, осматривалъ „растерзан-

¹⁾ Въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1282 г. записано: „Ляхове воеваша у Берестья по *Кроснѣ* и взяша сель десять”. Нынѣшнее названіе этой рѣки *Кржна* (Krzna) — очевидное исковерканіе до утраты смысла. Въ „Атласѣ Привислянскихъ губерній“ Нипанича она названа Трескою! Слѣдовало бы юридически возстановить ея древнее, *русское* названіе.

²⁾ Пам. рус. стар. VIII (на картѣ).

³⁾ Червенскіе города Лонгинова стр. 196.

⁴⁾ Пам. рус. стар. VIII, стр. 73 и 74.

¹⁾ Акты Вилен. Археогр. ком. II. № 27.

ную ризу“ своей епархіи, когда плакался передъ паной, что 90 волынксимъ приходамъ было „строжайше воспрещено всякое общеніе“ съ нимъ. Національное и вѣроисповѣдное несчастье мѣстной Руси было въ „строжайшемъ воспрещеніи всякаго общенія“ русскому населенію Подляшья и Холмщины съ нынѣшнимъ сѣверо—и юго западнымъ краемъ. Зброшенная въ Польшу Забужская Русь совѣмъ была потеряна изъ виду: даже въ мѣстномъ простонародьи правый берегъ Буга съ великой ваивностию сталъ называться *русскимъ*, а лѣвый *польскимъ*. Въ 30—40-хъ годахъ движеніе греко-униатовъ къ православію въ Холмщинѣ и на Подляшья мало обращало вниманія на себя.

Много писалось и говорилось о „Холмской губерніи“, какъ о чемъ—то чрезвычайно важномъ для возрожденія русскаго населенія въ краѣ, говорятъ и о „Холмской епархіи“, какъ объ „якорѣ спасенія“ отъ нестроений, извѣстныхъ подъ именемъ „упорства“, но *сущность дѣла* не въ географическомъ наименованіи и не въ обособленіи епархіальномъ, а въ нравственномъ сплоченіи и объединеніи русскаго населенія *по обѣ стороны Буга*. Пусть онъ перестанетъ быть *границей*, разъединяющихъ, „край отъ края“, и пусть станетъ звеномъ *связующимъ русскихъ съ русскими*“, „возсоединенныхъ отъ униа“ въ наши дни съ „древлеправославными“.

Пр. Александръ Будиловичъ.

16 августа 1901 г.

Желательный контингентъ псаломщиковъ ¹⁾.

Не хочу я, братіе, порицать дьячковъ добраго стараго времени. Были среди нихъ, какъ это бываетъ всегда, и хорошіе и малогодные. Конечно, многіе изъ нихъ были усердны къ храму Божію, любили и знали свое клиросное дѣло, пожалуй, были и благоговѣйны не стыдились подрясника, особенно же послушны были настоятелю, близки были къ простому народу, даже и по одинаковымъ съ нимъ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ. Но при всемъ этомъ весьма многіе изъ нихъ были до того безграмотны, что едва умѣли писать свою фамилію. Это отсутствіе хотя бы мало-мальски сноснаго образованія клало соотвѣтствующій отпечатокъ и на всю ихъ служебную дѣятельность и прежде всего на ихъ чтеніе и церковное пѣніе. Не даромъ старинное мало осмысленное дьячковское чтеніе и пѣвіе вошло у насъ даже въ пословицу. Веденіе церковнаго писмоводства всецѣло лежало на священникахъ или діаконахъ. Дьячки писали, съ грѣхомъ пополамъ, метрики и исповѣдныя вѣдомости, да и то часто нанимали за себя другихъ.

¹⁾ По поводу статьи въ Рук. для сельскихъ паст. за 1901 годъ „Старый, новый и желательный типъ псаломщика“.

Нечего и говорить о томъ, что за немногими счастливыми исключениями они не могли работать въ начальной школѣ уже потому, что сами были малограмотны. Наконецъ, не могли они стать и въ разумно близкія отношенія къ своимъ священникамъ, такъ какъ не могли ни понять, ни обсудить духовныхъ запросовъ и стремленій своихъ настоятелей—по той простой причинѣ, что между образованнымъ іереемъ и полуграмотнымъ дьячкомъ все же была пропасть великая. Правда, они были вполне послушны своему батюшкѣ; но что толку въ этомъ чисто холопскомъ послушаніи.

Повторяемъ, что у насъ совѣмъ нѣтъ стремленія унизить добрыхъ старыхъ дьячковъ, тѣмъ болѣе, что пишущій эти строки самъ сынъ бывшаго пономаря, потомъ діакона и, наконецъ, іерея, 52 года безпорочно прослужившаго церкви Божіей. Мы только хотимъ сказать, что жизнь и времена измѣнились, мѣняются и потребности жизненныя. Въ добрую старую пору дьячекъ прежняго типа былъ пожалуй и пригоденъ, а нынѣ онъ малопригоденъ, ибо требованія къ нему предъявляются иныя, такія, удовлетворить которымъ онъ уже не въ состояніи. Вотъ почему и типъ стараго дьячка въ наше время отходить уже въ область преданія: его уничтожаетъ не иное что, какъ сама жизнь, время. Нынѣ нужны новые дьячки, образованные, способные не только разумно пѣть и читать, не только вести все сложное церковное писмоводство, но и работать въ школѣ въ качествѣ учителя, отъ котораго требуется выполненіе очень солидной программы, хотя бы и начального образованія, наконецъ, способные помочь въ дѣлѣ проповѣди и своему настоятелю, помочь ему въ устроеніи разнаго рода просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій и т. д. Не ясно ли, что здѣсь требуются люди образованные, и—окончившіе курсъ духовныхъ семинарій какъ нельзя болѣе желательные кандидаты на это служеніе церковное.

И конечно, въ видахъ привлеченія семинаристовъ въ ряды низшихъ служителей церковныхъ прежде названіе „дьячка“ замѣнено новымъ—„псаломщика“, названіемъ болѣе почтеннымъ, по крайней мѣрѣ, не такъ ругательнымъ, каковымъ сдѣлалось прежде титло „дьячка“. Въ тѣхъ же, думаемъ, цѣляхъ, въ цѣляхъ расчистить семинаристамъ дорогу къ занятію должностей псаломщиковъ, не требуется нынѣ отъ послѣднихъ ношенія и подрясника. Мы не одобряемъ въ псаломщикѣ ни франтовства, ни небрежности въ костюмѣ, а хотимъ только замѣтить, что едва ли подрясникъ способенъ придать особую красоту, или какое-то особое значеніе псаломщику. Черный на всѣ пуговицы застегнутый сюртукъ съ глухимъ жилетомъ или бѣлой сорочкой—весьма приличный костюмъ для псаломщика, во всякомъ случаѣ не хуже подрясника.

Правда, псаломщикъ-семинаристъ требуетъ нѣсколько иного обращенія съ собою со стороны батюш-

ки. Что же дѣлать, если священникъ, особенно привыкшій къ военной командѣ надъ работнымъ старого типа дьячкомъ, не встрѣтитъ въ современномъ псаломщикѣ подхалимства или рабскаго заискиванья!! Зато псаломщикъ семинаристъ можетъ быть сердечнымъ другомъ священника, съ которымъ этотъ послѣдній можетъ въ часы досуга и поговорить, и почитать, и пообсудить то, что требуетъ обсужденія. Умнымъ и гуманнымъ обращеніемъ (а вѣдь оно и должно быть таково) священникъ всегда привяжетъ къ себѣ чело-вѣка, равнаго съ нимъ по образованію. И едва ли псаломщики-семинаристы сознательно откажутся подать кадило священнику, или поцѣловать у него, когда это нужно, благословляющую руку. Едва ли также откажутся они приготовить и убрать ризницу? Пишущій эти строки былъ нѣкоторое время ректоромъ семинаріи и видѣлъ, съ какимъ усердіемъ воспитанники VI класса исполняли всѣ дьячковскія и пономарскія обязанности въ своей домово́й церкви на виду у своихъ товарищей. Скажу болѣе: самъ я, бывшій студентъ семинаріи, былъ псаломщикомъ, читалъ и пѣлъ во славу Божію, подавалъ кадило, даже звонилъ за отсутствіемъ церковнаго сторожа на колокольнѣ, цѣловалъ всегда руки іерея, былъ съ нимъ въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ; зато съ его благословенія поучалъ народъ и въ церкви и въ приходѣ, и въ школѣ занимался, и хоръ устроилъ изъ дѣвочекъ на своемъ клиросѣ, чѣмъ себя облегчилъ, а службу церковную украсилъ; хотя ходилъ всегда въ черномъ сюртукѣ съ бѣлой сорочкой, но народомъ былъ любимъ, ибо училъ его.

Да проститъ меня читатель за откровенность, но не за похвальбу. Съ увлеченіемъ и благодарностію вспоминаю я и по сіе время мою дьячковскую службу, особенно умнаго и гуманнаго священника о. Илію, который цѣнилъ, но не унижалъ меня. Кстати, припомню здѣсь одинъ характерный случай изъ своей дьячковской службы. На одномъ праздникѣ приходскомъ встрѣтился я съ однимъ старымъ священникомъ о. А. М.—мъ, который, зная отличныя отношенія ко мнѣ моего настоятеля, желчно замѣтилъ мнѣ: „жалъ, что ты не у меня служишь, а то я заставилъ бы тебя и кучеромъ быть и баню топить“. Несчастный старый дьячекъ, какъ я узналъ послѣ; дѣйствительно исполнялъ у сего пастыря и должность кучера и баннаго истопника. Оо. настоятели, подобные указанному, едва ли когда нибудь встрѣтятъ полное послушаніе въ псаломщикахъ-семинаристахъ. А вѣдь несомнѣнно и они будутъ говорить и писать о непослушаніи такихъ псаломщиковъ и своемъ не желаніи имѣть ихъ у себя.

Нѣтъ, отцы и братья, умѣримте нашу спесь іерейскую, взглянемте на псаломщиковъ семинаристовъ иными глазами, будемте всячески привлекать ихъ въ ряды низшихъ клириковъ и, повѣрьте, худого тутъ

ничего не будетъ. „Вѣдь бритвою тупой изрѣжешься скорѣй, а острою обрѣдешься вѣрнѣй: умѣй владѣть лишь ею“. Да, хоть стыдно намъ признаться, а слѣдуетъ, что „съ умомъ людей боимся мы, и терпимъ при себѣ охотнѣй дураковъ“, терпимъ потому, что они ужъ очень услужливы и послушны, а сами мы не умѣемъ, не привыкли порядочно обходиться съ порядочными людьми.

Правда и въ семинаристахъ-псаломщикахъ встрѣчаются свои недочеты, но они легко устранимы. Церковно - богослужебныя знанія семинаристовъ болѣе книжнаго характера, знанія теоретическія: не достае́тъ имъ практичности, умѣнья приложить свои знанія къ дѣлу, къ жизни. Отцы настоятели, призванные самымъ положеніемъ своимъ другъ друга тяготы носить и тако законъ Христовъ исполнить, должны прійти на помощь въ этомъ случаѣ псаломщикамъ-семинаристамъ, съ любовію, безъ ропота, терпѣливо и вѣжливо дѣлать имъ указанія, поясненія, постепенно вводя ихъ въ кругъ церковной жизни.

Церковности, говорятъ, маловато въ семинаристахъ. Зависитъ это отъ многихъ причинъ, быть можетъ, и отъ духа времени; но главнымъ образомъ оттого, что наши дѣти съ малолѣтства мало знакомятся нынѣ отъ своихъ отцовъ и матерей съ церковностію, чтеніемъ и пѣніемъ церковнымъ, уставомъ богослужебнымъ, ибо во многихъ духовныхъ семьяхъ современныхъ домашняя жизнь устроается не по духовному укладу, а по свѣтскому, такъ что если семинаристы-псаломщики являются малоцерковными людьми, то въ этомъ повинны отчасти и мы сами—отцы ихъ. Наши духовныя училища и семинаріи при всемъ желаніи воспитать въ своихъ питомцахъ духъ церковности мало успѣвають въ этомъ, потому что дѣйствуютъ не примѣромъ и любовію, а болѣе приказами и инструкціями. Никогда не нужно ученику выкрикивать, что у него не достае́тъ церковности, что онъ долженъ быть церковнымъ чело́вѣкомъ, а нужно *воспитывать его тако́вымъ*. Пусть учащіеся духовныхъ школъ, увлеченные примѣромъ и любовію своихъ наставниковъ и воспитателей, полюбятъ свою школьную домашнюю церковь, принимаютъ участіе въ чтеніи и пѣніи, пономарятъ, даже прибираютъ церковь, или собственными руками украшаютъ ее въ дни великихъ праздниковъ и т. д. Пусть и наставники своимъ примѣромъ учатъ своихъ питомцевъ, что ничего нѣтъ унижительнаго въ томъ, если я подамъ священнику кадило, выйду съ подсвѣщникомъ, надѣну стихарь, или поцѣлую благословляющую руку священника... Къ сожалѣнію, этими примѣрами-то и не могутъ похвалиться наши дух. училища и семинаріи. Въ бытность мою ректоромъ семинаріи какъ-то разъ въ общемъ педагогическомъ собраніи правленія я говорилъ своимъ сослуживцамъ, что было бы хорошо для постановки учебно-воспитательнаго дѣла, если бы

сами преподаватели по возможности аккуратно являлись къ церковнымъ службамъ въ свою семинарскую церковь.

Но главное нужна для этого подготовка въ семейной жизни.

Одна школа, безъ участія семьи, никогда не создастъ въ своихъ питомцахъ духа церковности. И духъ сей не прививается путемъ инструкцій и приказовъ, а создается путемъ чисто воспитательныхъ мѣръ, и не въ школѣ главнымъ образомъ, а прежде всего дома, въ родномъ сельскомъ храмѣ. Мой родитель покойный, лишь только обучилъ меня чтенію, какъ тотчасъ же далъ мнѣ въ руки Часословъ, и семъ лѣтъ отъ роду я читалъ ужъ въ своемъ родномъ сельскомъ храмѣ Шестопсалміе. Кромѣ клироса, я не зналъ другого мѣста въ храмѣ, пѣлъ своимъ молодымъ альтомъ вмѣстѣ съ родителемъ-псаломщикомъ церковныя пѣсни священныя, урывалъ и кадило раздутъ и подать батюшкѣ, который былъ моимъ крестнымъ отцомъ, успѣвалъ и на колокольникѣ отзвонить, и во всемъ этомъ я не думалъ видѣть какого-то униженія, напротивъ иной укладъ жизни, вѣроятно, показался бы въ ту пору страннымъ, неестественнымъ. Когда я былъ отданъ въ духовное училище, то въ приходскомъ храмѣ, гдѣ молились питомцы училища, я сразу сталъ своимъ человѣкомъ. Помню, утромъ сначала сбѣгаешь въ церковь къ утреннему богослуженію, а затѣмъ въ училище. Въ семинаріи во все время моего обученія въ ней, я уже не покидалъ клироса семинарской церкви. Да и въ академіи частенько становился на клиросѣ поддержать теноровую партію. Клиросъ сдѣлался для меня своего рода родной стихіей. Даже и теперь, въ санѣ епископа, становлюсь иногда на клиросѣ, особенно въ будніе дни. Такъ я сроднился съ нимъ. И этимъ обязанъ я прежде всего семьѣ: духовная школа лишь поддержала и развила то направленіе духовно-церковное, зерно коего заложено было по церковному укладу устроенной семьей клирика.

Вотъ куда, отцы іереи, недовольные псаломщикомъ-семинаристомъ, должны быть направлены наши заботы и усилія, чтобы семинаристы имѣли больше, чѣмъ теперь, духа церковности, — на собственную семью нашу, на поднятіе въ ней уклада духовно-церковной жизни, на борьбу и изгнаніе изъ нашей семьи духовной всего того, что вѣетъ духомъ свѣтскимъ, не церковнымъ, а иногда и прямо антицерковнымъ. Вмѣсто жалобъ и упрековъ по адресу современнаго семинариста, мало пригоднаго яко бы для отправленія должности псаломщика, постарайтесь прежде всего, чтобы наши дѣти уже поступали въ духовную школу съ достаточнымъ запасомъ церковности. Не бойтесь, школа не вытравитъ изъ вашихъ дѣтей привитого имъ въ семьѣ духа церковности. Я, напр., учился въ семинаріи въ семидесятыхъ годахъ въ страшное время анархіи ума и воли, и однако ни Добролюбовы, ни

Писаревы, ни Герцены, ни Чернышевскіе, не выжили изъ молодого сердца той любви къ церкви и всему церковному, какая заложена была въ благочестивой семьѣ клирика.

Жалобы на негодность современныхъ семинаристовъ къ занятію ими дьячковскихъ должностей насъ тѣмъ болѣе удивляютъ, что эти же семинаристы, по суду тѣхъ же недовольныхъ отцовъ-іереевъ, являются вполне годными кандидатами на должности священниковъ.

Что касается жалобъ на неумѣнье семинаристовъ псаломщиковъ пѣть и читать, то едва ли и эти жалобы всегда искренни и справедливы. При современной постановкѣ въ духовныхъ школахъ церковнаго пѣнія и ц.-славянскаго чтенія жалобы эти если не напрасны, то во всякомъ случаѣ преувеличены. Мы всегда учились чтеніемъ и особенно пѣніемъ семинаристовъ Казанской семинаріи. Прошедшимъ В. постомъ намъ пришлось совершать литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ церкви Казанскаго мужскаго духовнаго училища и слышать здѣсь общее простое обиходное пѣніе всѣхъ учениковъ училища: оставалось только радоваться слыша. Въ прежнее время, напр., въ Е—скомъ духовномъ училищѣ, гдѣ я учился, обиходное пѣніе поставлено было совсѣмъ плохо, и если бы не домашняя подготовка, да не помощь пѣвца дяди-діакона у котораго я жилъ, пришлось бы остаться пѣвчимъ плохого разбора. Нынѣ совсѣмъ не то. Современная духовная школа по части пѣнія и чтенія конечно далеко опередила прежнюю. Можетъ быть, не достаетъ въ чтеніи *выразительности*, преобладаетъ, особенно въ послѣднее время, монотонность старообрядческаго чтенія, которымъ, кажется, мы уже не въ мѣру увлеклись; но и это дѣло легко поправимое: нуженъ примѣръ, нужна инициатива. Намъ думается, что такъ называемое чтеніе разговорное, приближающееся къ декламации, хотя *отчасти* должно имѣть мѣсто и въ храмѣ Божіемъ. Не забудемъ, что святое Евангеліе почти все сполна изложено языкомъ разговорнымъ, діалогическимъ. Конечно, театральной декламации не можетъ быть мѣста въ церкви; но и полное отсутствіе ея въ чтеніи и церковномъ произношеніи тоже не можетъ быть заслугой съ нашей стороны. Всему есть мѣра. Удовлетворить этой стороной церковнаго чтенія, т.-е. выразительности, само собой скорѣе сможетъ получившій законченное среднее образованіе псаломщикъ-семинаристъ, чѣмъ полуграмотный дьячекъ стараго типа.

Если принять во вниманіе, что нынѣшняя семинарская программа церковнаго пѣнія съ искусствомъ послѣдняго даетъ семинаристу еще свѣдѣнія по теоріи музыки и гармонизаціи, то семинаристъ-псаломщикъ весьма легко можетъ устроить къ своей приходской церкви хоръ пѣвчихъ-любителей и этимъ принести незамѣнимую пользу духовно-нравственной жизни при-

хода. И мы знаемъ много такихъ примѣровъ, особенно когда со стороны мѣстнаго батюшки юный псаломщикъ встрѣтитъ сочувствіе и содействіе.

Выводъ изъ всего сказаннаго ясенъ: мы должны всѣми мѣрами привлекать окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій на должности псаломщиковъ, какъ самыхъ годныхъ, полезныхъ и желательныхъ для сей службы людей. (*Изв. по Казанской Еп.*)

Свидѣтельство философа Канта о духовномъ мірѣ.

„Не скрываю,—говоритъ философъ Кантъ,—что я очень склоненъ признать бытіе невещественныхъ существъ въ этомъ мірѣ и готовъ причислить и мою душу къ категоріи такихъ существъ.

„Мы можемъ представить себѣ бытіе невещественныхъ существъ безъ страха быть опровергнутыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и безъ надежды доказать его отъ разума. Существованіе такихъ духовныхъ существъ въ пространствѣ не мѣшаетъ обитанію этого пространства существами матеріальными, ибо присутствію въ немъ первыхъ, какъ активныхъ силъ, не представляеть сопротивленія, присущаго твердымъ тѣламъ.

„Не трудно было-бы доказать это, вникнувъ въ вопросъ поглубже, а не то—скажемъ еще лучше: будетъ доказано въ будущемъ, что и въ земной жизни чело-вѣческая душа состоитъ въ неразрывномъ общеніи съ невещественными существами духовнаго міра, производитъ на нихъ свое воздѣйствіе, а взамѣнъ получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія, хотя и безсознательно для себя, пока все въ ней обстоитъ нормально.

„Для чело-вѣчества было-бы истиннымъ благодѣяніемъ, если бы подобный систематическій строй духовнаго міра, какъ мы его понимаемъ, предполагался не на основаніи только слишкомъ гипотетическаго понятія о духовной природѣ вообще, а основывался-бы или, по крайней мѣрѣ, считался бы вѣроятнымъ посредствомъ какого-либо реальнаго и всѣми признаемаго наблюденія“.

Кантъ говоритъ положительно (и это болѣе стало бы тому назадъ), что фактъ общенія чело-вѣческой души и въ этой жизни (т. е. на землѣ) съ существами духовнаго міра будетъ доказанъ современемъ.

Не ограничиваясь приведенными словами, Кантъ идетъ еще далѣе.

Неудовлетворенный „слишкомъ гипотетическимъ понятіемъ о духовной природѣ чело-вѣка“ Кантъ заявляетъ, „что было-бы истиннымъ благодѣяніемъ для чело-вѣчества, если-бы фактъ взаимодѣйствія и общенія обоихъ міровъ, имъ предчувствуемый, могъ быть при-

нанъ существующимъ, или, по крайней мѣрѣ, пока вѣроятнымъ на основаніи реальнаго и всѣми допускаемаго наблюденія“.

Замѣтки.

— Задѣлна щелей въ оконныхъ рамахъ, досчатыхъ полахъ и т. п. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можемъ указать на слѣдующій простой способъ. Къ двумъ вѣсовымъ частямъ желтаго воска, распущеннымъ на огнѣ, прибавляютъ одну вѣсовую часть самой простой канифоли и когда тягучая однородная масса, прибавляютъ къ ней двѣ вѣсовыхъ части охры и все хорошенько замѣшиваютъ, а по охлажденіи скатываютъ въ круглыя брусья, которые и сохраняютъ до употребленія. При задѣлкѣ щели такой брусокъ разогрѣвается на плитѣ и тщательно замазываютъ имъ въ оконной рамѣ щель или образовавшіяся въ дверяхъ отъ высыханія дерева трещины и проч. Если отверстие велико, напримѣръ, когда вываливается сучокъ, то въ отверстие сперва вставляется деревянная пробка, а промежутки тщательно замазываются тѣмъ же разогрѣтымъ составомъ. Достоинство такой задѣлки въ томъ, что составъ этотъ совсемъ не боится сырости, не трескается подъ влияніемъ тепла и очень прочно держится въ задѣланныхъ трещинахъ, какъ бы послѣднія ни были значительныя.

— Испытаніе различныхъ веществъ для сохраненія въ нихъ зимнихъ сортовъ грушъ и яблокъ. Во Франціи, какъ передаетъ „Revue Scientifique“, были произведены многочисленныя опыты для опредѣленія: которыя изъ веществъ, наиболѣе употребляемыхъ для сохраненія зимнихъ яблокъ и грушъ, даютъ наилучшіе результаты. Испытанію подверглись: бумага, стружки, солома, опилки, песокъ. Вотъ результаты опытовъ: яблоки и груши (имѣются въ виду зимніе сорта), завернутыя каждое отдѣльно въ шелковую бумагу, сохраняются прекрасно, дозрѣваютъ вполне, но медленно, удерживая при этомъ свою свѣжесть, вкусъ, запахъ и внѣшній видъ. Въ тонкихъ стружкахъ изъ ели или тополя—сохраняются также весьма хорошо, хотя въ качественномъ отношеніи и уступаютъ фруктамъ, сохраняемымъ первымъ способомъ. Въ ячмой соломѣ, мелко наръзанной,—дозрѣваютъ не вполне и не сохраняются столь свѣжими, какъ двумя предыдущими способами. Въ сѣнкѣ изъ сѣна, даже самаго лучшаго,—быстро портятся, покрываются пятнами и получаютъ непріятный посторонній привкусъ. Древесныя опилки также даютъ плохіе результаты. Въ рѣзкѣ изъ пшеничной соломы—хотя и сохраняются довольно хорошо, но усыхаютъ и нерѣдко приобретаютъ запахъ плѣсени. Тѣ же результаты даетъ и сохраненіе въ сухихъ листьяхъ. Въ сухомъ пескѣ яблоки и груши сохраняются отлично, дозрѣваютъ медленно и вполне, имѣютъ видъ совершенно свѣжихъ, прекрасны на вкусъ и удерживаютъ свой природный ароматъ. Наилучшіе результаты въ упомянутыхъ опытахъ были получены при сохраненіи яблокъ и грушъ въ сухомъ пескѣ, предварительно обернутыхъ шелковой бумагой.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіяльныя распоряженія и извѣстія.—Отъ министерства финансовъ.—Отдѣлъ II. Царство Иисуса Христа надъ родомъ чело-вѣческимъ (окончаніе).—Западный Бугъ какъ восточная граница нынѣшней Холмской Руси.—Желательный контингентъ псаломщиковъ.—Свидѣтельство философа Канта о духовномъ мірѣ.—Замѣтки.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.